

СТАРЫЙ ТОМАС И СОВРЕМЕННОСТЬ

МОСКОВСКИЙ ПОЕЗД приходит в Таллин в пять часов вечера. Уже темно—декабрь. Те, кто любит Таллин, говорят, что впервые приезжать сюда нужно летом: зеленое море,—только тогда по-настоящему оценишь прелесть города. Наверно, летом и в самом деле лучше. Сейчас дождь, изморось, мокрые тротуары, средневековые башни, кафе на каждом шагу, ощущение того, что попал за кулисы театра...

Может, и вправду в первый вечер пойти в театр, тем более, что туда можно успеть прямо с московского поезда. К тому же Академический театр драмы имени Кингисеппа показывает премьеру — «Плоды просвещения»...

В темном — ни зги — зрительном зале возникает огромный силуэт головы Толстого. Резкие линии и впадины; глаз не видно — они глубоко под мохнатыми бровями, но они все знают, все видят... Спектакль начинается.

Словно бы традиционный, классический спектакль. Знакомая передняя «богатого дома в Москве», лестница наверх, во внутренние комнаты, три двери... Действие пошло. И чем дальше, тем больше оно захватывает. Лео Кальмет, постановщик спектакля, нигде не «нажимает». Органически во всю толстовскую мощь встает порода нами чудовищный контраст: бессмысленная пустота, никчемность, суета, царящая в богатом доме Звездинцевых с их «медиумическими сеансами», и полнокровная, истинная, несмотря на всю свою трагедию, жизнь простого крестьянина, идущая где-то рядом... Жизнь настоящая — и ничтожная мелочная суета; пристальное внимание к человеку, к его внутренней духовной жизни — вот пафос нового спектакля Эстонского театра драмы имени Кингисеппа.

Уходишь из театра, а перед глазами долго еще стоят мудрые и недоумевающие лица трех крестьян и лицо Леонида Федоровича Звездинцева — народного артиста республики Хуго Лаура — с его спиритической вакханалией... И может быть потому, утро в Таллине, такое же пасмурное и невеселое, как и вечер накануне, кажется и не пасмурным и не грустным. И город уже не выглядит «не настоящим»: хотя внешний вид его по-прежнему напоминает декорации из сказок Евгения Шварца. В этом всегда чудесном городе явно и четко «прощупывается» пульс времени, дыхание эпохи — современность со всей сложностью ее, размахом, напряженностью, остротой раздумий и, коль речь идет об искусстве,

— с постоянными поисками новых, нехоженых дорог.

НО БЫВАЮТ поиски и «поиски». Один автор мучительно ищет органичности выражения новой открытой им мысли, пытается постигнуть существо жизни, другой — стремится только ошеломить, поразить читателя или зрителя... Мне довелось быть в Таллине недолго, но на эти дни «пришлись» — премьеры в театре имени Кингисеппа, открытие выставки работ художников Таллина, заключительный концерт месячника советской музыки в филармонии, диспут о путях развития современной поэзии в Союзе писателей, вечер-концерт, посвященный 20-летию Дворца культуры имени Яна Томпа, широкое совещание — актеры, художники, режиссеры, драматурги, писатели, комсомольские работники — по вопросам создания экспериментального молодежного театра, завершение работ над панорамным фильмом «Опасные повороты»...

Может, хватит? А то, уйдя в перечисления, придется и ограничиться ими. Несколько случайных пасмурных зимних дней оказались необычайно насыщенными искусством. Мне посчастливилось соприкоснуться с ним, и тогда открылась «душа» города. Она не в экзотичности его средневекового облика — море островерхих черепичных крыш и лабиринт кривых улочек, открывающихся с высоты гранитной террасы Вышгорода, и не в уютных больших и маленьких кафе, у каждого из которых свое имя, лицо и обязательные живые цветы на столиках; и даже не в серой туманной Балтике с рифами побережья и соснами у самой воды, с еле видимыми в тумане кораблями, покачивающимися на рейде... Хотя, конечно, «душу» города не отделишь ни от горбатых улочек, ни от кафе, где люди сидят за чашкой кофе, думают или горячо обсуждают что-то и спорят; ни от моря, которое всегда и в любую погоду прекрасно и заставляет думать о важном...

В ГОРКОМЕ КОМСОМОЛА, как всегда, разговор идет сразу о многом: антирелигиозная пропаганда, борьба с сектантами, культура в рабочих общежитиях, городской клуб кинолюбителей, клуб молодых художников, шефство молодых художников над электромеханическим заводом «Вольта», борющимся за звание предприятия коммунистического труда, новый театр.

Но уж тут слово Адольфу Куканову — секретарю горкома комсомола.

— Вы скажете, что ж толковать о театре — крыши нет. Это верно. Но есть интересные режиссеры: Вольдемар Пан-

со — руководитель драматической студии при консерватории, Вирве Аруоя — молодой режиссер телестудии; мечтают о своем театре молодые актеры театра имени Кингисеппа и русского театра, мы уже договорились с группой балерин в театре «Эстония», художники придут хоть сегодня. Но нужен первый спектакль! Нужно, чтобы в театр поверили.

В ТАЛЛИНЕ много и горячо спорят об искусстве. О пьесе Ю. Смуула «Леа», поставленной в тартуском театре «Вайнемуйне», и о «Браконеерах» Э. Раннета в театре имени Кингисеппа; о третьей книге романа А. Хинта «Берег цветов», о пародии Хермелина «Опус 13», опубликованной недавно в «Сирп я Васар» (еженедельная газета, орган творческих союзов Эстонии). Обсуждение этого выступления газеты в Союзе писателей вылилось в диспут о традициях и новаторстве в поэзии...

НО УЙДЕМ из тесных, шумных комнат Союза писателей, спустимся с крутых улочек Вышгорода на площадь Победы, пройдемся тихими выставочными залами. Выставка произведений таллинских художников — первая «ласточка» подготовки к Всесоюзной художественной выставке. Правда, тишина здесь обманчива. Если внимательно и вдумчиво пройти по залам, увидишь, услышишь и здесь те же споры. Они в работах художников старшего поколения — в городских пейзажах Сивади, портретах Треумана или в картинах Пихелги. Они в работах молодых художников (Кормашова, Виве Толли, Тихметса, Лембит Толли, Корстника... В работах первых — мастерство, опыт, глубина раздумий, у молодых — оригинальность, а порой пока лишь подражание, поиски своих путей, но и то и другое искреннее.

Впрочем, интересные работы художников в Таллине можно увидеть не только в выставочных залах. Они на стенах комнат в здании горкома комсомола — это картины студентов Художественного института, они — в кафе «Старый Томас».

Старый Томас, покровитель города Таллина, — низкорослый человечек в большой шляпе, с огромным мечом и развевающимся флагом — изображение его можно увидеть на значках, открытках, на двери вновь открытого кафе против здания ратуши. А на стенах кафе — картины современных художников... Так вот органично, без «нажима» искусство становится бытом.

— Литература, высокое искусство поэзии входят в жизнь человека с самого детства,—говорил композитор Дмитрий Кабалевский, выступивший на заклю-

